

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Г.С. КИРИЕНКО. Конституционно-правовые гарантии самостоятельности субъектов Российской Федерации в рамках реализации вопросов совместного ведения с Российской Федерацией 2

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Е.В. РЯБОВА. Парламентский финансовый контроль как необходимый элемент программно-целевого бюджетирования: некоторые вопросы правового обеспечения 5

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО

Н.Н. МЕЛЬНИКОВ, Е.А. САВЕЛЬЕВА. Значение правил землепользования и застройки и документов территориального планирования в регулировании правового режима земель населенных пунктов 8

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

А.Н. АРТАМОНОВ. Концепция законопроекта как залог качества принимаемого закона 11

Е.И. БЫЧКОВА. К вопросу о повышении уровня активности граждан при реализации правотворческой инициативы 14

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Ю.В. СУВОРОВА. К вопросу о временном запрете деятельности как мере обеспечения производства по делу об административном правонарушении 17

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Г.А. РУСАНОВ, Д.Б. ЛАПТЕВ. Некоторые проблемы применения нормы о недопущении, ограничении или устранении конкуренции 20

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

М.П. ПРОНИНА. Проблемные аспекты использования дефиниций в международном праве 22

ЗАРУБЕЖНОЕ ПРАВО

Д.В. СОЛОВЬЕВ. Ограничения хозяйственной деятельности депутатов высших законодательных органов власти: опыт Республики Польша 24

В.А. ХОЛОПОВ. Сравнительный анализ инновационных механизмов предоставления государственных и муниципальных услуг в зарубежных странах 28

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

И.Н. КОНДРАТ. Защита прав человека как системообразующая мера уголовного судопроизводства 31

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Т.Г. БОРОДИНОВА. Деятельность вышестоящих судов по проверке приговоров 34

КОНСТИТУЦИОННОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

В.В. ГОШУЛЯК. Граждане и их объединения как субъекты права обращения в конституционные (уставные) суды субъектов РФ: недостатки правового регулирования 38

Г.Р. ХАБИБУЛЛИНА. Принцип сбалансированности публичных и частных интересов в практике конституционных и уставных судов субъектов Российской Федерации 40

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Д.С. ШАПОРЕВА. Конституционные основы национальной культурной идентификации в России 42

В.Н. АГЕЕВ. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации относительно ограничения прав и свобод государственных служащих 45

А.Г. КУЗЬМИН. Правовые позиции «высших» судов Российской Федерации как источник российского права 47

А.В. ПОГОДИН. Структура правореализации, ее субъекты и системообразующие факторы 50

А.А. МАКАРЦЕВ. Электоральная политика в России: проблемы правотворчества 53

В.А. ОВЧИННИКОВ, Я.В. АНТОНОВ. Юридическая ответственность в системах «традиционного» и «электронного» голосования 57

А.И. ХОРОШИЛЬЦЕВ. Власть государства и государственная власть: модель разграничения 60

А.Н. СУХАРЕНКО. Общественный контроль как средство противодействия коррупции в России 62

С.Ф. АФАНАСЬЕВ. Гражданский процессуальный аспект суррогатного материнства 65

В ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ДЕЛО «ИДАЛОВ ПРОТИВ РОССИИ» [IDALOV v. RUSSIA] (жалоба № 5826/03). ПОСТАНОВЛЕНИЕ. г. Страсбург, 22 мая 2012 г. 69

CONSTITUTIONAL LAW

G.S. KIRIENKO. Constitutional and legal guarantees of the independence of the subjects of the Russian Federation in the framework of the implementation of issues of joint jurisdiction of the Russian Federation 2

FINANCIAL LAW

E.V. RYABOVA. Parliamentary financial control as a necessary element of performance-oriented budgeting: some questions of legal support 5

LAND LAW

N.N. MELNIKOV, E.A. SAVELYEVA. The value of the land use and development rules and documents of territorial planning in the regulation of the legal regime of lands of settlements 8

MUNICIPAL LAW

A.N. ARTAMONOV. The concept of the draft law as a guarantee of quality of the received law 11

E.I. BYCHKOVA. To the question of raising the level of activity of citizens in the implementation of legislative initiative 14

ADMINISTRATIVE LAW

Y.V. SUVOROVA. To the question of the temporary prohibition of the activity as a measure of maintenance of manufacture on business about an administrative offence 17

CRIMINAL LAW

G.A. RUSANOV, D.B. LAPTEV. Some problems of application of the norm on non-admission, restriction or elimination of competition 20

INTERNATIONAL LAW

M.P. PRONINA. Problematic aspects of the use of definitions in international law 22

FOREIGN LAW

D.V. SOLOVIEV. Restrictions of economic activity of deputies of the supreme legislative bodies of power: the experience of the Republic of Poland 24

V.A. HOLOPOV. A comparative analysis of the innovative mechanisms for providing state and municipal services in foreign countries 28

CRIMINAL PROCESS

I.N. KONDRAT. Protection of human rights as a constituent measure of criminal proceedings 31

CRIMINAL PROCEEDINGS

T.A. BORODINOVA. The activity of the superior courts of verification of sentences 34

CONSTITUTIONAL PROCEEDINGS

V.V. GOSHULYAK. Citizens and their associations, as subjects of the right of appealing to the constitutional (statute) courts of the subjects of the Russian Federation: the shortcomings of legal regulation 38

G.R. HABIBULINA. The balance of public and private interests in the practice of constitutional and statute courts of the subjects of the Russian Federation 40

POINT OF VIEW

D.S. SHAPOREVA. The constitutional foundations of the national cultural identity in Russia 42

V.N. AGEEV. Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation concerning limitation of the rights and freedoms of public servants 45

A.G. KUZMIN. Legal positions of the «higher» the courts of the Russian Federation as a source of russian law 47

A.V. POGODIN. The structure of law-realization, its subjects and system-forming factors 50

A.A. MAKARTSEV. Electoral politics in Russia: problems of law-making 53

V.A. OVCHINNIKOV, Y.A. ANTONOV. The legal responsibility in the systems of «traditional» and «electronics» voting 57

A.I. HOROSHILTSEV. The power of the state and the power of the state: a model of differentiation 60

A.N. SUKHARENKO. Public control as a means of combating corruption in Russia 62

S.F. AFANASIEV. The civil procedural aspects of surrogate motherhood 65

AT THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

CASE [IDALOV v. RUSSIA] (complaint no 5826/03). Strasbourg, 22 may 2012 69

- ¹³ Грось Л.А. О постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебном решении» // Арбитражный и гражданский процесс. 2004.
- ¹⁴ Анишина В.И. Постановления Пленумов высших судов Российской Федерации: правовая природа, место и роль в правовой системе // Российский судья. 2008. № 5.
- ¹⁵ Судебная власть / под ред. И.Л. Петрухина. М., 2003. С. 360-361.
- ¹⁶ Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судебское право. М., 2007. С. 423-424.
- ¹⁷ Рашидов А. Проблемы признания судебного толкования источником права // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2005. № 1. С. 174.
- ¹⁸ Марченко М.Н. Указ. соч. С. 427.

СТРУКТУРА ПРАВореАЛИЗАЦИИ, ЕЕ СУБЪЕКТЫ И СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ ФАКТОРЫ

А.В. ПОГОДИН, кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Ключевые слова: правореализация, ситуационное право, частные и публичные субъекты

Правореализация имеет сложную структуру. В динамике она состоит из различных моноструктур-полиструктур, которые создаются частными и публичными правореализующими физическими лицами. На формирование правореализационной системы позитивно действуют и противодействуют различные факторы.

Law realization has complex structure. In dynamics it consists of different monoconstructions-multiconstructions, which are created by private and public individuals. Formation of law realization-system positively affect and counteract different factors.

Правореализация бывает сравнительно простая и сложная, которая возможна тогда, когда есть социальная основа, т.е. объективно необходимые и реально возникающие в правореализационных ситуациях и функционирующие в их пределе общественные (социальные) отношения. Поскольку она на микроуровне встроена-интегрирована в структуру того или иного общественного отношения, является его организующе-стабилизирующей компонентой, а при необходимости и основанием для его легальной охраны и защиты со стороны представителей правоохранительных и судебных институтов государства, общества и даже субъекта — стороны отношения.

На макроуровне правореализация интегрирована во все общественно значимые практики, разнообразна по субъектному составу и организационным структурам, высокозначима по результатам для ее участников и социума в целом и, как таковая, есть синтез социально-психологически-правового содержания и формы. Она осуществляется через сознание, психику

и деятельность человека, это всегда сложный или менее сложный интеллектуально-эмоционально-волевой процесс¹. Здесь действуют не обезличенные правовые структуры-фикции, а конкретные люди. Поэтому правореализатором может быть только правореализующее физическое лицо либо организованная группа физических лиц. Правореализаторов, исходя из особенностей их статуса, который возникает в той или иной правореализационной ситуации, можно разделить на следующие виды: *частные правореализующие физические лица*, которые действуют от своего имени и в своем интересе в пределе ситуационного социально-правового статуса; *публичные правореализующие физические лица*, действующие от имени и в интересе того или иного субъекта права (государства, муниципалитета, юридического лица, публично-правового образования) в пределе представительского ситуационного социально-правового статуса. Субъект объективного права (субъект права де-юре) получает статус конкретного правореализатора или участника, становится субъектом ситуационного права и затем реализует его (субъект права де-факто), во-первых, если сложилась правореализационная ситуация высокой степени зрелости, во-вторых, если он обладает необходимым ситуационным социально-правовым статусом и соответствующей правореализующей способностью; в-третьих, когда у него есть ситуационный интерес и потребность получить конкретную ценность-объект, а также формирующаяся на этой основе свобода воли и готовность осуществить волеизъявление; в-четвертых, когда, независимо от субъективного желания, жизненная ситуация объективно вынуждает его стать правореализатором или участником правореализации².

Ситуационное право является результатом индивидуального нормативного правового регулирования сложной правореализационной ситуации и отношения, которое возникает в ее пределе. В ходе этой правореализующей интеллектуально-эмоционально-волевой деятельности, по степени значимости, а иногда сложности сопоставимой с правотворчеством, с учетом интересов сторон, их возможностей, ситуационных социально-психологических условий и требований норм объективного права сложная жизненная ситуация и отношение дорегулируется (в частной практике при проблемах в праве вообще могут создаваться в форме частного нормативного договора новые ситуационные нормы) и в ней появляется такой организующе-стабилизирующий ситуационный нормативный комплекс, как ситуационное право. Ситуационное право возникает и в простых

прав
ция
обра
екта
нит
эмо
воле
крег
инте
глам
даль
сти
част
да о
ная
навя
воре
ком
сова
ская
прае
сти
ной
моде
суда,
ных
но о
пове
стор
ходи
лиза
слаб
онн
тивн
пси)
мож

стру
ные
лист
блич
поли
ка в
сурр
шео
ные
ют ф
нахс
от с
ния
поли
внес
рапи
ност
блю,
сист
усто
госу,
праг
лиза
ет н
чело
тате
и об

правореализационных ситуациях. Здесь его формализация минимальная, поскольку оно существует главным образом как элемент правосознания конкретного субъекта — непосредственного участника ситуации, как *когнитивное ситуационное право* в виде интеллектуально-эмоционально программируемой и пригодной для воления модели поведения³. В ситуационном праве закрепляется модель поведения. Исходя из специфики интересов правореализаторов и без учета правовой регламентации, можно выделить следующие модели: *недальновидная* и *стратегически ущербная индивидуалистическая (эгоистическая) модель* связана с приоритетом частного интереса и личной выгоды. Это те случаи, когда одна формально-юридически равная, но более сильная с точки зрения функционального ресурса сторона навязывает другой стороне, благоприятную для себя правореализационную тактику; наиболее предпочтительная *компромиссная (консенсуальная) модель* на основе согласования интересов сторон и третьих лиц (специфическая модель добропорядочного поведения); *социально и правоощряемая альтруистическая модель* деятельности в интересах другой стороны, третьих лиц, социальной группы, государства и общества (наиболее очевидная модель добропорядочного поведения); *этатистская (государственная) модель*, в которой преобладают до известных пределов интересы государства и общества; *социально осуждаемая и запрещенная правом девиантная модель* поведения, ущемляющая и нарушающая интересы другой стороны, третьих лиц. Такую модель полезно и даже необходимо проанализировать особенно в сложной правореализационной ситуации. Это помогает, во-первых, выявить слабые, уязвимые позиции правомерной правореализационной тактики и попытаться усилить ее, найти эффективные правовые средства и формы защиты; во-вторых, психологически и организационно подготовиться к возможным противоправным действиям другой стороны.

В правореализации выделяются разновидности ее структуры: частные и публичные моноструктуры; частные простые полиструктуры; частные сложные полиструктуры; частно-публичные полиструктуры; публичные простые полиструктуры; публичные сложные полиструктуры. В любой практике (например, практика выборов, практика купли-продажи земли, практика суррогатного материнства и т.п.) можно обнаружить вышеозначенные структуры, а также внеправовые социальные структуры. При определенных условиях они начинают функционировать в качестве системы, которая может находиться на разной стадии развития. В зависимости от соотношения всего массива правомерного поведения правореализаторов в тех или иных моноструктурах-полиструктурах и правонарушений выделяются: 1) стадия внесистемного состояния (реформы по типу шоковой терапии, революция и т.п.); 2) стадия локальной системности или стадия предсистемности (каковую можно наблюдать в современной РФ); 3) стадия формирующейся системы; 4) стадия реально действующей и стабильно устойчивой системы (свойственно социально-правовому государству).

Та или иная практика через, преобладающие над правонарушениями, частные и публичные правореализационные моноструктуры-полиструктуры получает необходимую для комфортной жизнедеятельности человека упорядоченность и организованность. В результате в практике формируется устойчивый правопорядок и общественный порядок. В этом случае правореализация

органично «встраивается» в социальную систему и выполняет *организующее-стабилизирующую функцию* не только в конкретном социально-правовом отношении, но и в конкретной практике в целом. Государство, общество, социальная группа, человек, устанавливая в процессе общего нормативного правового регулирования инновационные абстрактно-общие нормы, конкретизируя эти нормы в ходе индивидуального нормативного правового регулирования в правореализационной ситуации и, самое главное, реализуя их, проводят модернизацию стагнирующей практики и даже иницируют новую практику. Здесь правореализация выполняет *функцию обеспечения модернизации и иницирования социально целесообразной деятельности*. Также ей присуща *функция легальной охраны и защиты тех элементов практики, которые нуждаются в этом*. Дополнительно можно выделить *индикативно-показательную функцию реализации норм права*.

При определенных условиях реализация норм права выстраивается в систему. То есть разнообразные правореализационные моноструктуры-полиструктуры внутри конкретной практики и всей системы (или хотя бы подавляющего большинства) таких практик функционируют в режиме законности и правопорядка, начинают системно взаимодействовать и дополнять друг друга, вытесняя при этом внеправовые девиантные структуры, не подавляя структуры социально допустимого и тем более добропорядочного поведения. В результате та или иная практика и вся социальная система в целом упорядочиваются, стабильно функционируют и могут динамично развиваться. Тогда правореализация способна иницировать, поддерживать, упорядочивать, обеспечивать структурно-функциональную стабильность социально целесообразной, в том числе инновационной деятельности, а при необходимости охранять и защищать здоровье и жизнь ее участников, их законные интересы-потребности и создаваемые ценности. На формирование правореализации позитивно действуют и противодействуют различные национальные и международные факторы. Позитивные факторы: 1) ситуационные факторы-условия, факторы-причины, факторы-катализаторы, факторы-гарантии позитивного влияния на реализацию норм права на микроуровне, прежде всего, на уровне или иного конкретного материального правового отношения (а также ситуационные негативные факторы); 2) в каждой практике должна быть локальная система необходимых и достаточных позитивных факторов, если их нет или есть, но негативные факторы преобладают, то в данной практике правореализация не будет выполнять свойственные ей созидательные функции в полном объеме. Как неизбежное следствие, в этом сегменте социума появляется и накапливается отрицательная социальная энергия, блокирующая процесс становления социально-правового государства и гражданского правового общества; 3) есть глобальные факторы-предпосылки, которые действуют в масштабе всей социальной системы.

Одним из системообразующих факторов для выстраивания правореализации как системы является развитие полноценное правосознание правореализатора (фактор личности). Оно немислимо вне и без нравственного сознания. Нравственные ценности, нормы, принципы и идеалы добропорядочного поведения, усвоенные субъектом в качестве категорического нравственного императива, выступают «красугольным камнем» в основании правосознания. Нравственность личности — стержень и

внутренний ограничитель-цензор, своеобразный антидевиантный духовный фильтр, и духовная основа категорического правового императива, и, как таковая, она в большинстве ситуаций не позволяет правореализатору использовать правосознание во вред третьим лицам, социальной группе, обществу и государству. Нравственное сознание выполняет не только функцию контроля и даже подавления низменных мотивов и страстей, но также функцию конструирования в простой и сложной правореализационной ситуации модели добропорядочного поведения с последующей мотивацией ее реализации. Развитое правосознание, соединенное и ограниченное нравственным сознанием, обретает качество развитого и полноценного и способно выступать доминирующим фактором-первопричиной формирования законности конкретного правового отношения и правореализации в целом. Нравственное сознание, рациональное правовое мышление, эмоционально-чувственное восприятие, воля, если системно взаимодействуют, гармонично дополняют друг друга в процессе саморегуляции личности, то они создают мультисистемный эффект — эффект категорического правового императива. Это такая структура правосознания правореализатора, куда входят: 1) духовная основа в виде категорического нравственного императива поступать в правореализационной ситуации справедливо и добропорядочно, не совершать вредного и тем более опасного действия-бездействия, отказ от делания зла (злодеяния); 2) рациональное правовое мышление и осознанное понимание необходимости выполнять в правореализационной ситуации требования правовых норм, т.е. не выходить за пределы поля свободы и позитивной юридической ответственности ситуационного социально-правового статуса (субъективная идея приоритета законности)⁴; 3) позитивное эмоционально-чувственное отношение к праву и готовность реализовать его (позитивное социально-правовое настроение); 4) сильная волевая направленность на выбор правомерной модели поведения и ее реализации и одновременно сильная волевая и осознанная направленность на блокирование противоправного поведения.

Функционально системообразующим для правореализации фактором (фактор государства) является оптимальный с высоким индексом законности и мобильности государственный социально-правовой режим: *как состояние взаимодействия*: 1) государственного чиновника с другим чиновником, а также иными частными и публичными субъектами (микроуровень); 2) представителей государства в целом с участниками той или иной практики (макроуровень). Здесь режим предстает в качестве неотъемлемого элемента стабилизации или (если вместо правореализации доминирует произвол, криминал и диктат силы) дестабилизации общественно значимой практики, т.е. режим де-факто; *режим как нормативная модель-идеал* в виде специфических норм объективного права, в которых устанавливаются цели, средства, методы, правовые формы, принципы, ситуационный социально-правовой статус государственного чиновника и служащего и иного частного и публичного субъекта (режим де-юре). Но до принятия этих норм должно сложиться теоретическое знание режима, оно закрепляется в научном тексте и является идеологическим источником для субъекта-нормотворца

абстрактно-общих норм (научная категория «режим»); *режим как эмоционально-чувственное восприятие и рациональное правовое осмысление различными субъектами государственного социально-правового режима де-факто* и его сравнение с режимом де-юре, а для субъекта с развитым полноценным правосознанием дополнительно сравнительный анализ с теоретическим знанием режима.

Правонарушения государственных чиновников, катастрофически разрушающие системные связи правореализации, особенно в политической практике (и любой иной практике), не проявления правового нигилизма. Поскольку некоторая их часть совершается в состоянии аффекта либо из-за ошибки, либо под воздействием форс-мажорных обстоятельств; правонарушения по неосторожности и даже умышленные должностные преступления так же не относятся к правовому нигилизму. Здесь нет мотива отрицания права. В основе такого поведения низменные мотивы — жадность, корысть, месть и т.п. Нельзя полностью исключать отрицание права, но девиантность такого рода ничтожна мала, на макроуровне ее можно не учитывать и тем более вряд ли оправданно все формы-разновидности противоправного поведения сводить только к правовому нигилизму. Правонарушения государственных чиновников более сложный феномен, чем принято считать, в частности, умышленное правонарушение и особенно преступление — это проявления системного кризиса личности, это следствие деформации правового и профессионального сознания, отсутствия правовой культуры и деградации нравственности, в конечном итоге — особая разновидность социально-правовой и профессионально-психической ущербности, следовательно, профессиональной непригодности чиновника, особенно очевидная в условиях модернизации.

Таким образом, минимально деформированная с высоким индексом законности и правопорядка в соответствии с естественно-правовым развитием, правореализация осуществляется: *на микроуровне*, во-первых, вне конкретного правового отношения либо в простом конкретном материально-правовом отношении, где не надо создавать формализованное ситуационное право, поскольку здесь в качестве ситуационного регулятора достаточно эффективно когнитивное ситуационное право. В некоторых случаях это может дополняться контрольно-надзорными и поощрительными правоотношениями. Это простая реализация норм права или социально-правовая саморегуляция частного и публичного субъекта; во-вторых, в пределе сложного конкретного материального правового отношения, которое возникает на нормативной основе формализованного ситуационного права, либо сложного конкретного материального правового отношения и комплекса процедурно-правовых отношений, а также, если функционально необходимо, контрольно-надзорных и поощрительных правоотношений. Это сложная правореализация; в-третьих, в рамках охранительного правового отношения и соответствующих процессуально-правовых отношений, если в материальных, процедурных, контрольно-надзорных и поощрительных правовых отношениях возникает деформация; *на макроуровне*, во-первых, в частных и публичных правореализационных моноструктурах-полиструктурах той или иной практики; во-вторых, в частных и публичных моноструктурах-полиструктурах всей системы практик.

⁴ Деятельностная природа правореализации см.: Шагиева Р.В. Концепция правовой деятельности в современном обществе. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2005. — 312 с.

² Многоаспектная характеристика субъекта права дана в работе: Архипов С.И. Субъект права: теоретическое исследование. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. -469 с.

³ О правореализационной ситуации, ситуационном праве см.: Погодин А.В. Элементы теории правореализации. Исследование практики взаимодействия частных и публичных субъектов, права, социокультурной среды. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. -260 с.

⁴ Позитивная юридическая ответственность см.: Липинский Д.А. Проблемы юридической ответственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. -409 с.

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОТВОРЧЕСТВА

А.А. МАКАРЦЕВ, кандидат юридических наук, заместитель декана юридического факультета Сибирского университета потребительской кооперации

Ключевые слова: правовая политика, электоральная политика, правотворчество

В статье формулируется понятие электоральной политики, которая является составной частью правовой политики Российского государства, определяются основные направления правотворческой формы её реализации. На основе анализа действующего российского законодательства делается вывод об отсутствии в Российской Федерации четкой стратегии электоральной политики, направленной на создание эффективных механизмов правового регулирования избирательных отношений.

In the article the notion of electoral politics is formulated, which is a part of the legal policy of the Russian state, the main directions of the law-making forms of its realization are defined. Based on the analysis of the Russian existing legislation the conclusion is made about the absence of a clear strategy for the Russian Federation's electoral policy that could be aimed at creating effective legal regulations of electoral relations.

В связи с увеличением роли права в жизни современного российского общества повышается актуальность изучения проблем, связанных с механизмами реализации правовой политики, призванной управлять процессами правового развития страны. Важной составляющей частью правовой политики в отдельно взятом государстве является политика в сфере избирательного права — электоральная политика, под которой можно понимать законодательно установленную в соответствии с Конституцией Российской Федерации и национальной юридической доктриной, политико-правовую деятельность органов государственной и муниципальной власти, социальных структур, направленную на выработку и реализацию стратегии и тактики в области нормативно-правового регулирования в сфере избирательных отношений.

Активное развитие в настоящее время получило правотворческое направление правовой политики, являющееся формой её реализации, и воплощающееся в принятии, изменении и отмене нормативных правовых актов¹. Это является следствием того, что в современной России

правовая политика, при всем многообразии её характеристик и определений, понимается и воспринимается в обществе, прежде всего, как политика правотворческая². Именно активное правотворчество определяет направленность и стратегические основы электоральной политики, делает возможным переход избирательного права, которое, по мнению российских правоведов, является подотраслью конституционного права России³ в правовое образование более высокого уровня организации — в самостоятельную отрасль российского права⁴.

Определяющим моментом в этом процессе является не столько количество нормативных актов, сколько их тесная связь в единую систему. Важным инструментом в достижении этой цели могут стать кодификационные работы, которые являются основополагающим средством формулирования в процессе правотворчества нормативных изменений. По мнению С.С. Алексеева, именно в результате кодификации законодательства крупный институт «обрастает» институтами и нормами других отраслей, происходит их согласование, известное сближение, приводящее к возникновению единства⁵.

Кодификация избирательного законодательства является одним из путей его совершенствования во многих странах СНГ. Так, в литературе отмечается, что принятие Избирательного кодекса Республики Беларусь от 11 февраля 2000 г. было направлено на ликвидацию противоречий избирательного законодательства и его дальнейшее развитие⁶. Разработка избирательного кодекса Украины в будущем позволило бы унифицировать общерегулятивные и процедурные нормы⁷.

В постсоветской России уже неоднократно появлялись предложения о принятии всероссийского кодифицированного акта, регулирующего избирательные отношения. В сентябре 2000 г. на научно-практической конференции в Пятигорске А.А. Вешняковым, являвшимся на тот момент председателем Центральной избирательной комиссии России, было высказано предложение о принятии на федеральном уровне избирательного кодекса России⁸. Позднее, однако, он отказался от выказанного предложения, но сугубо по соображениям целесообразности — в связи с продолжительностью процедуры рассмотрения кодекса в Государственной Думе и близостью очередных выборов. Член Центральной избирательной комиссии Е.И. Колюшин утверждает о целесообразности кодификации перечня избирательных прав граждан «прежде всего — в Избирательном кодексе Российской Федерации, а не только через гарантии избирательных прав»⁹.

Актуальность вопроса о подготовке и принятии нового рамочного избирательного закона, которым может являться и избирательный кодекс, повышается в